

Научная статья

УДК 81-24; 82-1/29; 801.615

ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА ПОЭМЫ ЮСУФА БАЛАСАГУНИ «КУТАДГУ БИЛИГ» И СПЕЦИФИКА ЕЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Михаил Семенович Фомкин

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

AuthorID: 462708, ORCID: 0000-0003-3189-3385, fomkin2000@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется литературная жизнь поэмы «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагуни (XI в.) и те изменения в её литературной судьбе, которые произвёл её русский поэтический перевод С.Н. Иванова, исследуются его особенности. Поэма «Кутадгу билиг» стоит в ряду крупнейших произведений мировой литературы Средневековья, содержит в себе такие духовно-нравственные ценности, которые концептуально связаны с историей и современной жизнью народов Евразии, в том числе народов России, поэтому изучение данного памятника в самых разных аспектах и формах его существования представляется важной научной задачей. В работе используются методы и подходы, характерные для русского классического востоковедения и для русской школы поэтического перевода. Круг литературных источников включает в себя работы отечественных и зарубежных авторов XIX–XXI вв., а также различные интернет-ресурсы. Результатом исследования можно считать вывод о том, что русский поэтический перевод поэмы Юсуфа Баласагуни, выполненный С.Н. Ивановым, в корне изменил её литературную судьбу: из мёртвого текста на мёртвом языке она превратилась в живой и активный элемент культурной и научной жизни современных тюркских народов и современного российского общества. Можно утверждать, что указанный перевод С.Н. Иванова вносит неоценимый вклад в теорию и практику художественного перевода, предлагая научно-обоснованные решения труднейших вопросов поэтического перевода средневековой восточной поэзии.

Ключевые слова: Юсуф Баласагуни, «Кутадгу билиг», «Благодатное знание», поэтический перевод, С.Н. Иванов.

Original article

THE LITERARY FATE OF YUSUF BALASAGUNI'S POEM «KUTADGU BILIG» AND THE SPECIFICS OF ITS POETIC TRANSLATION INTO RUSSIAN

Mikhail S. Fomkin

Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

AuthorID: 462708, ORCID: 0000-0003-3189-3385, fomkin2000@mail.ru

Abstract. The article analyzes the literary life of the poem «Kutadgu bilig» («Blessed Knowledge») by Yusuf Balasaguni (11th century) and the changes in its literary fate that were made by its Russian poetic translation by S.N. Ivanov, its features are investigated. The poem «Kutadgu bilig» ranks among the largest works of world literature of the Middle Ages, containing such spiritual and moral values that are conceptually connected with the history and modern life of the peoples of Eurasia, including the peoples of Russia, therefore, the study of this monument in various aspects and forms of its existence is an important scientific task. The work uses methods and approaches characteristic of Russian classical oriental studies and the Russian school of poetic translation. The range of literary sources includes works by domestic and foreign authors of the 19th–21st centuries, as well as various Internet resources. The result of the study can be considered the conclusion that the Russian poetic translation of Yusuf Balasaguni's poem, made by S.N. Ivanov, radically changed its literary fate: from a dead text in a dead language, it turned into a living and active element of the cultural and scientific life of modern Turkic peoples and modern Russian society. It can be argued that the

specified translation by S.N. Ivanov makes an invaluable contribution to the theory and practice of literary translation, offering scientifically based solutions to the most difficult issues of poetic translation of medieval Oriental poetry.

Key words: Yusuf Balasaguni, «Kutadgu bilig», «Blessed knowledge», poetic translation, S.N. Ivanov.

Введение. Поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагуни – первый памятник классической тюркоязычной литературы. Однако для мировой культуры и науки она более 800 лет оставалась неизвестной, до открытия её рукописей. Далее она подвергалась субъективной, принципиально неверной критике, которая принижала её литературную значимость. И только в XX в. поэма вернулась к жизни во всём своём грандиозном великолепии. Задача статьи – проанализировать этапы литературной судьбы поэмы и показать ту роль, которую сыграл в её судьбе её русский поэтический перевод, сделанный профессором С.Н. Ивановым.

Методология и источники. Изучение «Кутадгу билиг» началось в XIX в. и продолжается по сей день трудами как зарубежных, так и отечественных учёных (историю изучения «Кутадгу билиг» и подробный обзор литературы см. [Кононов, 1983: 513-517; Фомкин, 1990: 5-59; Тухлиев, 2004: 4-5]). В работе используются методы и подходы, характерные для русского классического востоковедения и для русской школы поэтического перевода.

Результаты и обсуждение. Культурное наследие тюркских народов богато и разнообразно. Его важной частью является классическая тюркоязычная литература. Первый письменный памятник этой литературы – поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагуни (XI в.). Эта поэма стоит в ряду крупнейших произведений мировой литературы средневековья, содержит в себе такие духовно-нравственные ценности, которые концептуально связаны с историей и современной жизнью народов Евразии, в том числе – народов России.

Литературная судьба поэмы «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагуни имеет поистине удивительную историю. Как отмечал академик А.Н. Кононов, остаётся загадкой отсутствие как у современников этого поэта, так и у более поздних восточных биографов и библиографов сведений об Юсуфе Баласагуни и его поэме. Это тем более странно, что многие его современники и земляки – поэты, не оставившие никакого следа в истории тюркской поэзии, упоминаются в различных библиографических справочниках, посвящённых писателям XI века из Кашгарии и Средней Азии [Кононов, 1983: 498]. При этом о себе и своей поэме сам поэт пишет в прозаическом предисловии следующее: «Сочинитель сей книги – уроженец Баласагуна, муж воздержный и благочестивый. Завершил же книгу сию он в Кашгаре, и представил её ко двору властителя Востока Табгач-хана; повелитель почтил и возвеличил сочинителя, дав ему титул хасс-хаджиба; посему и известна слава имени его – Юсуфа, Великого хасс-хаджиба» [Юсуф, Иванов, 1990: 60-61]. Полное имя и титул «властителя Востока», которому поэт преподнёс свой труд, звучали так: Тавгач-Богра-Кара-хакан Абу Али Хасан, сын Сулеймана, Арслан-Кара-хакана (правил в 1056-1103 гг.) [Бартольд, 1968: 420]. Поэт в своей поэме называет его Табгач-Кара-Богра-хан (китайский великий Богра-хан).

Великий хасс-хаджиб (араб. – «служитель», «досмотрщик») – это самое высокое придворное звание, обладатель его был главою всего придворного штата; в современном понимании это звание примерно соответствует «министру двора» [Кононов, 1983: 501] или визирю в средневековой Турции.

Перечисленные факты – подношение поэмы Тавгач-Богра-Кара-хакану, который властвовал практически над всей Центральной и Средней Азией, и последующее назначение поэта на высшую придворную должность, т.е. его полное приближение ко двору, к персоне властителя, к системе управления всей империей – касались самых высокопоставленных людей империи, в ведении которых находились казна, ханская печать, войско, все дипломатические службы, отношения с мусульманским духовенством. Это суть нерядовые события. Поэтому эти факты никак не должны были и не могли остаться незамеченными и незафиксированными придворными летописцами, биографами и библиографами. Тавгач-Богра-Кара-хакан правил империей Караханидов целых 47 лет и, безусловно, имел своих придворных династийных летописцев. Для сравнения укажем, что при дворе среднеазиатских властителей вплоть до начала XVI в. находились уйгурские писцы, к которым прилагался особый

термин *бахши*. Ведение хроники исторических событий всецело находилось в их руках [Бартольд, 1963: 99-100; Султанов, 1987: 483].

И тем не менее на многие века имя поэта и его поэма в придворных кругах, в придворной официальной историографии погружается в забвение. Будто по чьей-то команде его имя и его поэма были стёрты со страниц официальной истории.

Американский тюрколог Роберт Данкофф говорит об этом так: «Взяты вместе, сочинения Махмуда аль-Кашгари и Юсуфа Баласагуни представляют фундамент тюрко-мусульманской книжной культуры (...) Однако, возможно в результате заката политической судьбы и падения престижа Караканидов после XI в., эти сочинения не служат основой для дальнейшего совершенствования этой культуры» [Юсуф, 1983: 2-3 (перевод наш. – М.Ф.)]. Это суждение представляется неубедительным, поскольку, как указывалось выше, восточные библиографические справочники сохранили имена многих других поэтов и писателей Туркестана того периода.

Можно выдвигать различные гипотезы, объясняющие названную выше загадку, но в итоге, скорее всего, это забвение поэта и его поэмы стало результатом страшного монгольского нашествия, которое полностью уничтожило культурную жизнь Туркестана того времени. Это соответствует выводам специалистов о том, что тюркоязычная письменно-литературная традиция в восточно-туркестанском ареале началась в XI в., но прерывалась в XII – XVI вв., возобновившись с XVIII в. [Дмитриева, 1987: 445].

Юсуф Баласагуни в своей поэме пишет (примеры бейтов даются по [Юсуф, 1990], в круглых скобках – номера бейтов):

«Бессчетны владыке всевластья даянья,
Мой дар – этот свод, «Благодатное знание». (112)

Дары те не вечны – удел их таков,
А мой будет вечен во веки веков! (113)

Что скопишь, сберешь – всё уйдет незаметно,
А слава письмен неизбывна, всесветна!» (114)

Эти слова Юсуфа оказались пророческими – беспощадное время оказалось не властным над его творением. Волею судеб в 1796 году в Стамбуле обнаружилась первая рукопись «Благодатного знания». Через 100 лет, в 1896 году в Каире была найдена вторая рукопись поэмы, а в 1913 году в Намангане – третья.

Первая обнаруженная рукопись была переписана в городе Герате (дата окончания переписки 17 июня 1439 г.) уйгурскими буквами со списка, выполненного арабским алфавитом. Это свидетельствует о том, что сочинение Юсуфа в XV в. ещё функционировало в читательской среде Центральной Азии, причём в обеих алфавитных формах. Эта рукопись вначале неизвестным путём попала в город Токат (Турция), а затем в 1474 г. оказалась в Стамбуле. Датировка остальных рукописей неизвестна.

Важный фактор для выяснения литературной жизни рукописной книги во времени и смене читательских поколений – широта географического и хронологического диапазона происхождения и распространения списков сочинения, которая отражает динамику взаимодействия произведения с читателями, свидетельствует о степени общественного интереса к нему (Султанов, 1984: 72).

География распространения даже всего трёх рукописей «Кутадгу билиг» показывает, как в данном случае широк этот диапазон: рукописи переписываются и встречаются в самых разных точках мусульманского мира: в городах Кашгар (Восточный Туркестан, подносной экземпляр Богра-хану), Герат (Афганистан, 2 рукописи: одна – арабским письмом, вторая – уйгурским), Наманган (Узбекистан), Токат (Турция), Стамбул (Турция), Каир (Египет). Всё свидетельствует о том, что на протяжении веков на мусульманских землях сохранялся читательский интерес к этому сочинению. Его рукописи кочевали по просторам Евразии, будучи специально выделенными из массы рукописей других авторов и сочинений. Это говорит о том, что поэтическое творчество Юсуфа Баласагуни продолжало жить и имело положительную оценку читателей на средневековом мусульманском Востоке.

Более того, есть факты, которые позволяют говорить о литературной преемственности его творчества, о влиянии поэмы Юсуфа на восточных поэтов на протяжении нескольких веков: это арабский поэт Абу Бекр ат-Туртуши (XI в.), анатолийский поэт, шейх ордена мевлеви Султан Велед (XIII в.),

туркменский поэт Махтумкули (XVIII в.) (подр. см. [Фомкин, 2019: 115, 119-120]). Однако и в культурном, и в научном (западном и восточном) сообществе эта поэма оставалась неизвестной вплоть до обнаружения её первой рукописи в 1796 г.

Для всех мусульманских, в том числе тюркоязычных, рукописей характерны расхождения и разночтения в текстах различных списков одного памятника. Часто это было вызвано редактированием сочинения либо самим автором, либо другими лицами [Дмитриева, 1987: 413]. Текстологический анализ рукописей «Кутадгу билиг» (Каирской и Наманганской) показал, что мы имеем две авторские редакции этой поэмы: первая была составлена автором, когда он жил в Баласагуне на реке Чу; вторая – после его переселения в Кашгар [Наджиб, 1974: 75-85].

Дальнейшая история научного изучения поэмы представляет собой историю возвращения к жизни этого шедевра тюркской поэзии. На протяжении всего XIX и большей части XX века о Юсуфе Баласагуни и его поэме знал лишь очень узкий круг востоковедов-тюркологов. Уже много веков язык поэмы является мёртвым, он не имеет прямой преемственности с современными тюркскими языками и недоступен современному тюрку. Поэтому поэма оставалась мёртвым текстом на мёртвом языке, и даже выдающиеся учёные в XX в. часто не могли понять и правильно перевести этот текст (подр. см. [Фомкин, 1990: 47-49]), соответственно, не могли по достоинству оценить это произведение, увидеть его истинный масштаб и осознать масштаб личности самого поэта.

Непререкаемый авторитет мирового востоковедения, академик В.В. Бартольд (1869-1930), весьма критично характеризовал поэму Юсуфа как сочинение, где присутствуют одни «сухие нравоучения» и «безжизненные аллегорические фигуры» [Бартольд, 1968: 113, 115]. Эти и подобные им субъективные суждения, естественно, принижали литературную и общественную значимость поэмы. Справедливости ради надо отметить, что В.В. Бартольд в целом оценивал тюркоязычную литературу очень высоко. Он писал, что по сравнению с арабской и персидской тюркская литература привлекала к себе большей искренностью вследствие большей простоты слога и большей близости к жизни [Бартольд, 1966: 195, 245].

Появление в своё время подобных субъективных суждений объясняется тем, что учёные, «подходя к восточной литературе, прилагали к ней мерку, принятую при оценке литературных произведений Запада» [Бертельс, 1965: 377], то есть не учитывали различий между художественными канонами Востока и Запада. Помимо этого, вне учёта оставался ещё один важный фактор – временной: различие эстетических и художественных представлений средневековья и нашего времени. Приступая к рассмотрению средневекового литературного памятника, отмечал академик Д.С. Лихачев, «необходимо исходить не только из тех эстетических представлений, которые воспитаны в нас великим реалистическим искусством нового времени, но искать эстетические ценности в том их виде, в каком они ценились современниками» [Лихачев, 1967: 142]. К чести российского востоковедения надо отметить, что со временем трудами отечественных тюркологов такой субъективный подход к поэме Юсуфа был полностью преодолен.

Уже в XIX веке тюркологи, специалисты по древнетюркским языкам, стали делать и публиковать переводы «Кутадгу билиг» на различные языки. В 1870 г. выдающийся венгерский тюрколог и путешественник Герман Вамбери публикует первый полный перевод «Кутадгу билиг» на немецкий язык [Vamberi, 1870]. Однако ему не удалось полностью раскрыть всю глубину содержания, а иногда просто понять многие места поэмы [Кононов, 1983: 514]. В 1900 г. русский академик В.В. Радлов публикует свой полный перевод на немецкий язык [Radloff, 1900]. В 1959 г. турецкий учёный Рахмети Арат – на турецкий язык [Arat, 1959]. В 1971 г. узбекский филолог Каюм Каримов – на узбекский язык [Юсуф, 1971]. В 1983 г. американский учёный Роберт Данкофф – на английский язык [Dankoff, 1983], в 1986 г. известный казахский учёный и поэт Аскар Егеубаев – на казахский язык [Юсуф, 1986]. Все названные переводы являются прозаическими и соответствуют понятию так называемого филологического перевода, то есть перевода, максимально точно передающего содержание переводимого произведения и потому с необходимостью носящего информационный характер. Но любое художественное произведение, и в особенности произведение поэтическое, по самой сути своей не ограничивается собственно информационными целями содержательного плана, и потому филологический перевод поэтического произведения являет собою всего лишь квалифицированный подстрочник, лежащий вне

каких-либо художественных задач. При чтении подобных филологических переводов всегда остаётся ощущение недостаточности перевода, «рассыпанности» поэтического целого, утраты главного, самого существенного – эстетики и художественности оригинала. Все названные прозаические научно-критические переводы «Кутадгу билиг» остаются достоянием очень узкого круга профессиональных учёных-тюркологов.

В 1963 г. советский поэт Наум Гребнев опубликовал русский стихотворный перевод избранных глав «Кутадгу билиг» под названием «Наука быть счастливым», сделанный с немецкого подстрочника – перевода поэмы на немецкий язык, который выполнил В.В. Радлов в 1900г. [Юсуф, 1963]. В 1971 г. вышло его второе издание [Юсуф, 1971]. В отношении этого вольного стихотворного переложения Н. Гребнева надо сказать, что оно сделано с таким же мастерством, как и все работы этого известного советского переводчика. Однако, и это главное, названное стихотворное переложение выполнено вне связи с самим оригинальным текстом и представляет собой версификацию немецкого перевода В.В. Радлова, во многом устаревшего и часто неверного. Это не позволило поэту-переводчику до конца понять древний текст и адекватно воссоздать средствами русского языка особенности поэтического искусства Юсуфа Баласагуни, который соединил в своей поэме несколько литературных традиций, в результате чего его сочинение стало явлением своеобразной поэтической эстетики. Проявления этой эстетики – как формальные, так и содержательные – можно видеть лишь при тщательном исследовании и абсолютном понимании оригинала, что требует от переводчика больших специальных и фоновых знаний.

Полный переворот, чудесное преображение в литературной судьбе поэмы, а именно её реальное возвращение в литературную, научную, общественно-политическую жизнь произошло в 1983 году, когда профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, выдающийся учёный-тюрколог и блестящий переводчик тюркской поэзии С.Н. Иванов опубликовал первый полный русский поэтический перевод поэмы «Кутадгу билиг», сделанный им по научно-критическому изданию её текста [Юсуф, 1983]. Этот перевод был издан в серии «Литературные памятники» АН СССР под редакцией и с вступительной статьёй патриарха российской тюркологии – академика А.Н. Кононова.

Именно эти два выдающихся русских учёных-тюрколога расставили по своим местам все акценты в изучении и оценке этого литературного памятника, убедительно опровергнув существовавшие до той поры расхожие мнения о его якобы «вторичности» и «никчёмности». Сформулированные ими научные выводы и оценки являются на сегодняшний день общепринятыми. В 1990 году названный перевод был переиздан в «Большой серии» «Библиотеки поэта» [Юсуф, 1990].

Полный русский поэтический перевод поэмы «Кутадгу билиг» С.Н. Иванова представляет собой принципиально новое явление, поскольку он является поэтическим, художественным истолкованием текста, т.е. соединяет в себе достоинства компетентного филологического перевода и эстетическую ценность воссозданных художественных особенностей оригинала. Такое пересоздание не одного лишь содержания, но и поэтики подлинника является творческим кредо переводчика. Задача эта непомерно трудна, но только она, подчёркивает С.Н. Иванов, и достойна внимания как серьёзная попытка ознакомить читателя с художественными поэтическими ценностями, созданными на неизвестном ему языке [Иванов, 1973: 22-23; Иванов, 1983: 534].

Поэтическое воссоздание «Благодатного знания» С.Н. Ивановым на русском языке стало, по сути, воскрешением этого шедевра тюркоязычной поэзии. Начался новый этап в литературной судьбе поэмы Юсуфа Баласагуни. Перевод С.Н. Иванова сделал русскоязычных читателей разных стран наследниками этого уникального явления тюркской культуры. Поэма получила новую, полнокровную художественно-литературную жизнь уже на русском языке.

Более того, сразу же этот перевод вошёл в широкий научный оборот. Учёные из других областей гуманитарного знания – философы, культурологи, педагоги, литературоведы, историки религии – стали работать с этим переводом как с оригинальным источником, полностью доверяя компетентности переводчика и смысловой адекватности перевода. Это не замедлило сказаться на научных исследованиях: появились работы, анализирующие творчество Юсуфа Баласагуни с точки зрения педагогики, поэтики, с философских позиций. Очень показательна одна из таких монографий. Она посвящена

анализу философских взглядов Юсуфа Баласагуни. Её авторы прямо пишут: «Поскольку мы располагаем текстом «Кутадгу билиг» на русском языке, есть возможность вместе с читателем конкретно проследить, как фарабиевская концепция разума находит воплощение в поэме Баласагуни» [Касымжанов, Мажиденова, 1990: 51]. Подчеркнём, что эти киргизские учёные все свои рассуждения и выводы строят на основании не английского, не турецкого, а русского перевода «Благодатного знания» С.Н. Иванова, откуда и приводят все текстовые примеры.

Стали проводиться научные конференции, связанные с идейным наследием поэта, например, в 2016 г. в Казахском национальном педагогическом университете имени Абая под названием «Юсуф Баласагуни: истоки педагогики гуманизма и современность», где основной научной проблемой было воспитание молодёжи сквозь призму гуманистических идей Юсуфа Баласагуни. В этом же 2016 г. в Казахском национальном университете имени аль-Фараби проходила Международная научно-теоретическая конференция «Вклад творчества Юсуфа Баласагуни в культуру тюркского мира». При этом практически во всех научных работах и докладах в качестве источника использовался опять не казахский перевод «Кутадгу билиг» А. Егеубаева (что было бы логичным в казахском университете), не турецкий или английский, а именно русский поэтический перевод С.Н. Иванова, на который и давались соответствующие ссылки.

Очень показательна в этом отношении сфера интернета, где выложены многочисленные статьи как титулованных учёных (например, сайт alfarabinur.kz), так и других авторов (например, портал «История Кыргызстана и киргизов»), посвящённые Юсуфу Баласагуни и его поэме «Кутадгу билиг». Все эти авторы используют русский поэтический перевод С.Н. Иванова и для теоретических рассуждений, и для примеров.

Ещё более важным в современной литературной судьбе «Кутадгу билиг» представляется то обстоятельство, что русский поэтический перевод С.Н. Иванова используют, например, казахские и киргизские студенты в своих рефератах, курсовых и дипломных работах по истории, педагогике, религиоведению, философии. Такие работы, например, за период 2010-2021 гг. также выложены в интернете.

Самая впечатляющая сфера, где активно работает русский поэтический перевод С.Н. Иванова и где, благодаря ему, реально живёт имя поэта и его поэма, — это школа, это сфера среднего образования в Казахстане и Киргизии. Здесь, благодаря интернету, можно найти многочисленные методические разработки школьных уроков и мероприятий по внеурочной деятельности, которые имеют задачу познакомить школьников с культурой народов Средней Азии, с тюркскими средневековыми просветителями; можно найти сценарии театрализованных представлений о деятелях тюркской духовной культуры, в том числе о Юсуфе Баласагуни. И везде, во всех школьных методических разработках в таких случаях используется только русский поэтический перевод С.Н. Иванова «Благодатное знание».

Более того, некоторые пользователи интернета на своих страницах перепечатывают большие куски из «Благодатного знания» со своими восторженными комментариями. Читателям, нравятся эти стихи! Это действительно народное признание русского поэтического перевода С.Н. Иванова, а через него и самой поэмы «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни.

Нужно ещё раз особо отметить, что в приведённых примерах и учёные, и студенты, и школьники из среды современных тюркских народов используют не казахский, не узбекский, не турецкий, не современный английский переводы «Кутадгу билиг» - все они используют русский перевод профессора С.Н. Иванова!

Можно говорить и об определённой связи русского перевода «Благодатного знания» с общественно-политической жизнью современного Кыргызстана. Высокая оценка творчества Юсуфа Баласагуни, которую дали выдающиеся русские учёные, авторитет русской науки, издание в России русского перевода «Благодатного знания» в самых престижных изданиях — в серии «Литературные памятники» АН СССР и в «Большой серии» «Библиотеки поэта». Думается, всё это стало одним из весомых доводов в пользу принятия указа Президента Кыргызской Республики от 11.05.2002 о присвоении Национальному университету в городе Бишкеке имени Юсуфа Баласагуни. В 2003 году перед входом в этот университет установлен памятник великому тюркскому поэту.

В связи с перечисленными фактами невозможно не отметить удивительную прозорливость С.Н. Иванова. Говоря о своём переводе «Благодатного знания», он отмечал, что «сам факт появления его

представляется важным для дела осознания народами Средней Азии и Казахстана своего культурного наследия» [Иванов, 1983: 537].

В 2016 году тюркоязычный мир широко отмечал 1000-летие Юсуфа Баласагуни. Международная организация тюркоязычных государств «Тюрксой» объявила 2016 год «Годом Юсуфа Баласагуни». Торжественные мероприятия проводились в Турции, Кыргызстане, Азербайджане и Казахстане. В Кыргызстане торжества проходили на территории архитектурно-археологического комплекса «Бурана» в Чуйской области, где в древности находился город Баласагун – родина поэта. Премьер-министр (впоследствии президент) Кыргызстана Сооронбай Жээнбеков в своей торжественной речи сказал: «Мысли Юсуфа Баласагуни, прозвучавшие много веков назад, актуальны и сегодня. «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни является бесконечным источником знаний. Книга Юсуфа Баласагуни «Благодатное знание», написанная 10 веков назад, занимает своё бесценное место в мировой культуре и истории. «Благодатное знание» – кладёз умных и полезных советов, которые могут пригодиться каждому из нас. Эта книга может стать нашей настольной книгой» [1000-летие, 2016]. Как мы видим, в этой торжественной речи премьер-министра Кыргызстана тоже используется русский перевод «Благодатного знания» С.Н. Иванова.

Из приведённых фактов с очевидностью устанавливается, что русскоязычный читатель (и не только в России, но и за её пределами) принял этот перевод С.Н. Иванова, а через него – и саму поэму Юсуфа, как говорится, на ура. «Благодатное знание» в русском облике теперь живёт в среде разных народов, но самое важное – оно стало естественной и неотъемлемой частью русской литературы, культуры и науки. Поэтому следует рассмотреть некоторые качества перевода С.Н. Иванова, которые стали фундаментом его блестящего успеха. Всесторонний анализ названного перевода – отдельная тема специального исследования, здесь же мы обратим внимание только на три момента.

При воссоздании поэтики стихотворного оригинала очень важную, во многом решающую роль играет выбор переводчиком метрического эквивалента оригиналу. История русской переводной литературы знает своеобразную рецензию А.С. Пушкина на перевод поэмы «Илиада» Гомера, который выполнил Н.И. Гнедич: «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи; Старца великого тень чую смущённой душой». Восхищение А.С. Пушкина вызвало, в том числе, то, что Н.И. Гнедичу удалось создать ритмический эквивалент оригиналу, и благодаря этому опять «завучала», «оживала» в русском облике эллинская речь. Абсолютно то же самое произошло в случае с «Благодатным знанием».

Для передачи стихотворного размера, которым написана основная часть «Благодатного знания» (восьмистопный усечённый мутакариб, при котором одно мисра содержит 11 слогов), переводчик избрал четырёхстопный амфибрахий, в котором схема чередования ударных и неударных слогов выглядит следующим образом (v = ударный слог): -v-|-v-|-v-|-v(-). Число слогов в строке при этом получается либо 11 (при мужских рифмах), либо 12 (при женских рифмах). Чередование мужских и женских рифм используется в переводе, как отмечает его автор, для придания строкам и повествованию в целом интонационного разнообразия [Иванов, 1983: 535-536].

Выбор указанного размера основан на теоретическом положении переводчика о том, что именно в трёхсложных русских размерах следует искать ритмический эквивалент тюркского стиха, потому что заметное выделение ударного слога в этих размерах и, соответственно, протяжённости ударного гласного создаёт эффект имитации долгот тюркского оригинала [Иванов, 1975: 150]. В своих докладах на кафедре тюркской филологии, на заседаниях секции художественного перевода Санкт-Петербургской писательской организации С.Н. Иванов неоднократно подчёркивал, что при переводе тюркской поэзии, написанной арузом, нельзя использовать русские двусложники – ямб и хорей, потому что это приводит к появлению неправильной интонации (так сказать, «плясовой», «попевочной» от слов пляски и попевки), интонации, которая не соответствует основной тональности и ритмике оригинала, а значит – и его содержанию.

В пользу указанного выше выбора трёхсложников можно привести ещё два соображения. Во-первых, выделяемые многими исследователями «напевность», «свобода дыхания» стиха, написанного арузом, суть проявления главной особенности аруза – музыкальной основы этой тонической системы стихосложения, в которой напевность заложена органически [Джафар, 1968: 34,36]. Поэтому при поиске в национальной просодической системе функционального эквивалента метрам аруза следует,

конечно, обратиться к тем размерам, которые создают наиболее благоприятные условия для осуществления мелодического движения стиха, для напевного чтения. Такими в русской поэтической традиции и являются трёхсложники, чрезвычайно распространённые в напевном стиле русской поэзии [Жирмунский, 1977: 71,74; Эйхенбаум, 1922: 95]. Во-вторых, использование четырёхстопного амфибрахия в данном случае целесообразно также благодаря его семантическому ореолу в классической русской поэзии (подр. см. [Гаспаров, 1979]). Его нетрадиционность в ряду крупных классических русских поэтических форм создаёт благоприятные условия для передачи этим размером нерусской поэзии. Кроме того, внешние системные связи этого метра сразу настраивают читателя на необходимый круг образов, мотивов и эмоций, поскольку его общая семантическая традиция тяготеет к серьёзным темам и отличается философической настроенностью, совпадая в этом с реальными семантическими и эмоциональными характеристиками текста «Благодатного знания».

Применение научно обоснованного метрического эквивалента позволило переводчику передать основную тональность поэзии Юсуфа Баласагуни и создать в конечном итоге смысловой поэтический эквивалент оригиналу, поскольку воссозданная в русском стихе интонация соответствует семантическим и экспрессивным характеристикам оригинального текста. Всё это и порождает ту завораживающую силу художественного впечатления, которое производят чеканно-певучие строки русского текста «Благодатного знания».

Следует обратить особое внимание на язык перевода С.Н. Иванова. Русский поэтический язык Сергея Николаевича – это богатейший во всех своих проявлениях язык предельной национальной чистоты, свободный от генетически нерусской лексики. Носитель русского языка и обладатель русского национального самосознания получает глубокое моральное и высокое эстетическое удовлетворение, когда он погружается в живительную купель чистого русского языка поэтического перевода профессора Иванова.

Читателю являются непривычные поэтические образы, непростые философские и религиозные понятия Востока, но при этом нигде и никогда С.Н. Иванов не поступает достоинством русской речи.

В теории поэтического перевода есть такое понятие: совпадение творческих личностей поэта и его переводчика. Если происходит такое совпадение, рождается настоящее художественное произведение. Юсуф Баласагуни, как это явствует из его поэмы, был прозорливым мудрецом, учёным, философом, и таким же должен быть переводчик его поэмы, чтобы миру явились именно те мысли, те чувства, которые пытался выразить поэт. Можно с уверенностью утверждать, что в случае с «Благодатным знанием» произошло именно такое счастливое совпадение творческих личностей: Сергею Николаевичу было свойственно очень мудрое, философское отношение к жизни, он был выдающимся учёным, в своих научных исследованиях он часто обращался к произведениям различных философов, в частности, к трудам Гегеля, чтобы проникнуть в самую суть изучаемых явлений. Думается, во многом именно духовное созвучие и внутреннее сопереживание переводчика своему автору и определило успех этого перевода.

Благодаря огромному и вдохновенному труду С.Н. Иванова, который сделал «Кутадгу билиг» достоянием русскоязычных читателей в разных странах, настоящая жизнь этого шедевра тюркской литературы и культуры только начинается. Есть все основания утверждать, что полный поэтический перевод поэмы «Кутадгу билиг» на русский язык под названием «Благодатное знание», который выполнил С.Н. Иванов, – это его научный и творческий подвиг. Сергей Николаевич рассказывал мне, что примерно один год у него ушёл на предварительный, подстрочный перевод, на вербальное осмысление древнего текста, и затем примерно два года на поэтическую, художественную обработку перевода с воссозданием всех особенностей поэтики оригинала.

Он шёл к этому переводу долгие годы, копил свои уникальные, бесценные знания, совершенствовал своё художественное, поэтическое дарование. И это помогло ему художественно истолковать и воссоздать средствами русского языка этот самый древний, в то же время высокохудожественный, просто поразительный памятник тюркской поэзии XI века. Недаром академик А.Н. Кононов в одной из наших бесед в 1986 г. особо подчеркнул, что он не знает больше никого в мире, кто мог бы так же правильно и с таким же художественным совершенством перевести «Кутадгу билиг», как это сделал С.Н. Иванов.

В одном из наших разговоров после публикации «Благодатного знания» Сергей Николаевич сказал мне очень многозначительные слова: «Теперь уже никто не сможет меня обойти». Мастер слова сам отчётливо видел недостижимый для других переводчиков уровень, на который он поднял искусство поэтического перевода тюркской поэзии.

Выводы. Поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») совершила свой фантастический, но предсказанный её автором прыжок из XI в XXI век. Её литературная судьба продолжается. Это может показаться парадоксальным, но возвращение Юсуфа Хасс-Хаджиба и его поэмы в литературную жизнь, в современную тюркоязычную культуру, в общественную жизнь тюркоязычных стран произошло во многом благодаря переводу поэмы на русский язык. Именно этот перевод С.Н. Иванова стал той надёжной основой, на которой стали развиваться различные явления живого взаимодействия культур разных народов Евразии.

Перспективы дальнейших исследований в этой области: они весьма широки: литературоведческое и культурологическое изучение поэмы Юсуфа, системный анализ русского перевода «Благодатного знания» С.Н. Иванова, реконструкция его авторских принципов поэтического перевода средневековой восточной поэзии.

Список источников

Бартольд, В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / В.В. Бартольд // Бартольд В.В. Сочинения. Т.1. Москва, 1963.

Бартольд, В.В. Культура мусульманства / В.В. Бартольд // Сочинения. Т. 6. Москва, 1966.

Бартольд, В.В. Богра-хан, упомянутый в «Кутадгу билиг» / В.В. Бартольд // Сочинения. Т.5. Москва, 1968.

Бертельс, Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература / В.Э. Бертельс. Москва, 1965.

Гаспаров, М.Л. Семантический ореол метра (К семантике русского трехстопного ямба) / М.Л. Гаспаров // Лингвистика и поэтика. Москва, 1979.

Джафар, А. Теоретические основы аруза и азербайджанский аруз / А. Джафар. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Баку, 1968.

Дмитриева, Л.В. Тюркоязычная арабписьменная рукописная книга по ее ареалам / Л.В. Дмитриева // Рукописная книга в культуре народов Востока: Очерки: Книга первая. Москва: Наука, 1987. С. 407-450.

Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. Ленинград, 1977.

Иванов, С.Н. Лирика Насими и вопросы её переводческого истолкования / С.Н. Иванов // Советская тюркология. 1973. № 5.

Иванов, С.Н. Поэма Алишера Навои «Язык птиц» / С.Н. Иванов // Мастерство перевода: Сб. 10. 1974. Москва, 1975.

Иванов, С.Н. О «Благодатном знании» Юсуфа Баласагунского / С.Н. Иванов // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С.Н. Иванов. Москва: Наука, 1983. Серия «Литературные памятники». С. 518-538.

Касымжанов, А.Х. Очарование знания / А.Х. Касымжанов, Д.М. Мажиденова. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 156 с.

Кононов, А.Н. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» / А.Н. Кононов // Юсуф Баласагунский. Москва: Наука, 1983. Серия «Литературные памятники». С. 495-517.

Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. Ленинград: Наука, 1967.

Султанов, Т.И. Рукописная историческая книга и ее читатели в странах средневекового мусульманского Востока / Т.И. Султанов // Народы Азии и Африки. Москва, 1984. № 2. С.71-80.

Тухлиев, Б. Вопросы поэтики «Кутадгу билиг» Юсуфа Хас Хаджиба / Б. Тухлиев. Ташкент, 2004.

1000-летие, 2016. 1000-летие великого мыслителя Юсуфа Баласагуни [Электронный ресурс] Дата обращения 15.12.2021. URL: https://www.inform.kz/ru/1000-letie-velikogo-myslitya-yusufa-balasaguni-otmechaetsya-v-kyrgyzstane_a2959031.

Фомкин, М.С. Сокровищница восточной мудрости / Вступительная статья / М.С. Фомкин // Юсуф Баласагуни. Благодатное знание / Перевод С.Н. Иванова. Ленинград.: Советский писатель, 1990. С. 5-59.

Фомкин, М.С. Поэтическая картина мира Юсуфа Баласагуни (к 950-летию поэмы «Кутадгу билиг») / М.С. Фомкин // Art Logos (Искусство слова): 2019. № 4 (9) Санкт-Петербург, 2019. С. 98-140.

Эйхенбаум, Б.М. Мелодика стиха / Б.М. Эйхенбаум. Петроград., 1922.

Юсуф, Хас-Хаджиб. Наука быть счастливым: Избранные главы / Пер. Наума Гребнева / Х. Юсуф. Ташкент, 1963.

Юсуф, Хас-хаджиб Баласагунский. Наука быть счастливым / Пер. Наума Гребнева / Х. Юсуф. Москва, 1971.

Баласагуни Юсуф. Мудрость, несущая счастье: Поэма / Перевод на казахский язык Аскара Егеубаева / Х. Юсуф. Алматы: Жазушы, 1986. 616 с.

Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С.Н. Иванов. Москва: Наука, 1983. Серия «Литературные памятники». 558 с.

Юсуф Баласагуни. Благодатное знание / Перевод С.Н. Иванова. Вступительная статья М.С. Фомкина / Юсуф. Ленинград: Советский писатель, 1990. 560 с.

Юсуф Хос Ходжиб. Кутадгу билиг (Саодатга йулловчи билим). Транскрипция ва хозирги узбек тилига тавсиф. Нашрга тайёрловчи Каюм Каримов / Юсуф. Тошкент, 1971.

Yusuf Has Hacib. Kutadgu bilig. II. Tercüme. Resid Rahmeti Arat. Ankara, 1959.

Yusuf Khass Hajib. Wisdom of Royal Glory (Kutadgu Bilig): A Turko-Islamic Mirror for Princes / Translated, with an

Introduction and Notes by Robert Dankoff. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1983.

Radloff W. Das Kudatku Bilik des Yusuf Chass Hadschib aus Bäläsagun. T.II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo. St.-Petersburg, 1900.

Vamberi H. Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Uigurische Text mit Transcription und Übersetzung nebst einen Uigurisch-deutschen Wörterbuche und litografierten Facsimile aus dem Originaltexte des Kudatku Bilik. Innsbruck, 1870.

References

Balasaguni, Yusuf. (1986) Mudrost', nesushchaya schast'ye: Poema [Wisdom that brings happiness] / Perevod na kazakhskiy yazyk Askara Yegeubayeva. Almaty: Zhazushy: 616.

Bartol'd, V.V. (1963) Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestiya [Turkestan in the era of the Mongol invasion] Sochineniya. T.1. Moscow.

Bartol'd, V.V. (1966) Kul'tura musul'manstva [The culture of Islam] Sochineniya [Essays]. T. 6. Moscow.

Bartol'd, V.V. (1968) Bogra-khan, upomyanutyy v «Kutadgu bilik» [Bogra Khan, mentioned in «Kutadgu bilik»] Sochineniya [Essays]. T.5. Moscow.

Bertel's, YE.E. (1965) Izbrannyye trudy. Sufizm i sufiyskaya literatura [Selected works. Sufism and Sufi literature]. Moscow.

Dzhafar, A. (1968) Teoreticheskiye osnovy aruza i azerbaydzhanskiy aruz [Theoretical foundations of Aruz and Azerbaijani Aruz]. Avtoref. dokt. diss. Baku.

Dmitriyeva, L.V. (1987) Tyurkoyazychnaya arabopis'mennaya rukopisnaya kniga po yeye arealam [The Turkic-speaking Arabic handwritten book according to its areas] *Rukopisnaya kniga v kul'ture narodov Vostoka*: Ocherki: Kniga pervaya [Handwritten book in the culture of the peoples of the East: Essays: The first Book]. Moscow: Nauka: 407-450.

Eykhensbaum, B.M. (1922) Melodika stikha [The melody of the verse]. Petrograd.

Fomkin, M.S. (1990) Sokrovishchnitsa vostochnoy mudrosti / Vstupitel'naya stat'ya [Treasury of Oriental wisdom / Introductory article Yusuf Balasaguni. Blagodatnoye znaniye [Yusuf Balasaguni. Blessed knowledge] / Perevod S.N. Ivanova. Vstupitel'naya stat'ya M.S. Fomkina. Leningrad, Sovetskij pisatel': 5-59.

Fomkin, M.S. (2019) Poeticheskaya kartina mira Yusufa Balasaguni (k 950-letiyu poemy «Kutadgu biliG») [A poetic picture of the world by Yusuf Balasaguni (for the 950th anniversary of the poem «Kutadgu bilig»)] *Art Logos (Iskusstvo slova)*, 4: 98-140.

Gasparov, M.L. (1979) Semanticheskii oreol metra (K semantike russkogo trekhstopnogo yamba) [The semantic halo of meter (To the semantics of the Russian Iambic three-stop)]. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. Moscow.

Ivanov, S.N. (1973) Lirika Nasimi i voprosy yeyë perevodcheskogo istolkovaniya [Nasimi's lyrics and questions of its translation interpretation] *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology], 5.

Ivanov, S.N. (1975) Poema Alishera Navoi «Yazyk ptiTS» [Alisher Navoi's poem «The Language of Birds»] *Mashterstvo perevoda* : Sb. 10. Moscow.

Ivanov, S.N. (1983) O «Blagodatnom znani» Yusufa Balasagunskogo [«Blessed knowledge» by Yusuf Balasagunsky. Yusuf Balasagunskiy. Blagodatnoye znaniye [Yusuf Balasagunsky. Blessed knowledge]. Moscow, Nauka. Seriya «Literaturnyye pamyatniki»: 518-538.

Kasymzhanov, A.KH., Mazhidenova, D.M. (1990) Ocharovaniye znaniya [The charm of knowledge]. Frunze: Kyrgyzstan: 156

Kononov, A.N. (1983) Poema Yusufa Balasagunskogo «Blagodatnoye znaniYE» [Yusuf Balasagunsky's poem «Blessed Knowledge»] Moscow: Nauka. Seriya «Literaturnyye pamyatniki»: 495-517.

Likhachev, D.S. (1967) Poetika drevnerusskoy literatury [The poetics of Ancient Russian literature]. Leningrad: Nauka.

Radloff, W. (1990) Das Kudatku Bilik des Yusuf Chass Hadschib aus Bäläsagun. T.II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo. St.Petersbur.

Sultanov, T.I. (1984) Rukopisnaya istoricheskaya kniga i yeye chitateli v stranakh srednevekovogo musul'manskogo Vostoka [A handwritten historical book and its readers in the countries of the medieval Muslim East / T.I. Sultanov. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa]. Moscow, 2: 71-80.

Tukhliyev, B. (2004) Voprosy poetiki «Kutadgu biliG» Yusufa Khas Khadzhiba Questions of the poetics of «Kutadgu bilig» by Yusuf Khas Hajib]. Tashkent.

1000-летие, 2016. 1000-letiyе velikogo myslitelya Yusufa Balasaguni [1000th anniversary of the great thinker Yusuf Balasaguni]. Available at: https://www.inform.kz/ru/1000-letie-velikogo-myslitelya-yusufa-balasaguni-otmechaetsya-v-kyrgyzstane_a2959031 (accessed: 15.12.2021).

Yusuf Khas-Khadzhib. (1963) Nauka byt' schastlivym: Izbrannyye glavy [The Science of Being Happy: Selected Chapters] / Per. Nauma Grebneva. Tashkent.

Yusuf, Khas-khadzhib Balasagunskiy (1971). Nauka byt' schastlivym [The Science of Being Happy] / Per. Nauma Grebneva. Moscow.

Yusuf, Balasagunskiy. (1983) Blagodatnoye znaniye / Izdaniye podgotovil S.N. Ivanov. Moscow: Nauka, seriya «Literaturnyye pamyatniki»: 558.

Yusuf, Balasaguni. (1990) Blagodatnoye znaniye / Perevod S.N. Ivanova. Vstupitel'naya stat'ya M.S. Fomkina. Leningrad, Sovetskij pisatel': 560.

Yusuf, Khos Khozhib (1971) Kutadgu bilig (Saodatga y'ullovchi bilim). Transkriptsiya va khozirgi uzbek tiliga tavsif. Nashrga tayyërlovchi Kayum Karimov. Toshkent.

Yusuf, Has Hacib. (1959) Kutadgu bilig. II. Tercüme. Resid Rahmeti Arat. Ankara.

Yusuf, Khass Hajib. (1983) Wisdom of Royal Glory (Kutadgu Bilig): A Turko-Islamic Mirror for Princes / Translated, with an Introduction and Notes by Robert Dankoff. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1983.

Yusuf, Vamberi (1870). Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Uigurische Text mit Transcription und Übersetzung nebst einen Uigurisch-deutschen Wörterbuche und litografierten Facsimile aus dem Originaltexte des Kudatku Bilik. Innsbruck.

Zhirmunskiy, V.M. (1977) Teoriya literatury. Poetika. Stilistika [Theory of literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad.

Информация об авторе

Михаил Семенович Фомкин – кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, кафедра романо-германской филологии и перевода. Москательный пер., д. 4, Санкт-Петербург, Россия, 190005. Более 100 научных публикаций на русском, немецком, английском, турецком языках. Сфера научных интересов: германистика, лингводидактика, тюркология, культурология, переводоведение.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 27.12.2023; принята после рецензирования 15.01.2024; опубликована онлайн 01.02.2024.

Information about the author.

Mikhail S. Fomkin – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics, Department of Romance-Germanic Philology and Translation. Moskatelny per., 4, St. Petersburg, Russia, 190005. More than 100 scientific publications in Russian, German, English, Turkish. Research interests: German studies, linguodidactics, Turkic studies, cultural studies, translation studies.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 27.12.2023; adopted after review 15.01.2024; published online 01.02.2024.